

От осмысления системы к реконструкции отдельной судьбы: О книге Р. Отто и Р. Келлера «Советские военнопленные в системе концлагерей»*

Ekaterina Kiseleva

(State Archive of the Russian Federation, Moscow)

From comprehension of the system to reconstruction of a separate fate: About the book of R. Otto and R. Keller «Soviet prisoners of war in the system of concentration camps»

DOI: 10.31857/S086956870010160-7

9 декабря 2019 г. в Вене при участии Посольства РФ в Австрии состоялась презентация книги историков Р. Отто и Р. Келлера. Данная монография — результат более чем 30-летней исследовательской работы авторов, в прошлом руководителей исследовательских проектов в мемориалах концлагерей и шталагов Германии, изданная при непосредственном участии и поддержке Мемориала концлагеря «Маутхаузен» (Вена). Книга посвящена трагической теме отечественной истории. Её выход в свет накануне юбилея победы в Великой Отечественной войне символичен и неслучаен.

М.И. Семиряга — один из первых исследователей, обратившихся к теме судьбы советских военнопленных, писал: «Плен это постоянный спутник войн. Причины пленения или сдачи в плен следует искать не только в сложившейся в данный момент конкретной боевой обстановке, но и в социально-политической и моральной ситуации в стране ещё до войны. Для любого воина плен это позор и трагедия. Это не акт милосердия со стороны победителя, а право обезоруженного»¹. Вопрос о том, сколько советских солдат и офицеров оказалось в плену в годы Второй мировой

войны, остаётся одним из самых дискуссионных².

Будучи в советское время практически «запретной», сегодня тема плена имеет обширную историографию. В числе серьёзных обобщающих исследований, вышедших на русском языке, следует назвать работу П.М. Поляна, чьи труды по теме издавались и в Германии³, а также книгу историка и публициста из Израиля А. Шнеера⁴. Благодаря этим авторам увидел свет и документальный сборник, освещающий один из аспектов проблемы — трагедию Холокоста⁵.

В Германии тему начали активно изучать ещё в конце 1960-х — начале 1970-х гг.⁶ К числу основополагающих трудов относятся книга К. Штрайта⁷, а также исследование А. Штрайма⁸. Новый этап для немецкой историографии наступил в эпоху «архивной революции» начала 1990-х гг. в России. Основательно изучив к этому времени материалы собственных и американских архивов, немецкие историки обратились к «трофейным документам» из фондов Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦА МО) и Российского государственного военного архива (РГВА), собирая из различных комплексов источников, оказавшихся по-

* *Otto R., Keller R. Sowjetische Kriegsgefangene im System der Konzentrationslager (Schriftenreihe der KZ — Gedenkstätte Mauthausen. Band 14). Wien, 2019. 351 s.*

сле войны в различных государствах и хранилищах, сюжеты из истории советского военного плена⁹. Поэтому, как справедливо отметил М.И. Ерин, они значительно опередили отечественную историографию в темпах и глубине осмысления проблемы¹⁰.

Сославшись на показания руководителя Службы вермахта по делам военнопленных (*Kriegsgewangenenenwesen*) Г. Райнике, данные им в 1945 г. советским органам, Штрайт обратил внимание на утрату значительной части документов данного ведомства в результате бомбардировок и намеренного уничтожения. Тогда это существенно ограничило возможности исследования механизмов работы нацистской «машины смерти»¹¹. В дальнейшем немецкие исследователи подошли к проблеме иначе: приступили к изучению документальных материалов отдельных концлагерей и лагерей военнопленных, созданию баз данных их заключенных и узников¹². Появилось огромное количество исследований¹³.

Келлер и Отто первыми обратились к источниковедческому анализу учётных документов советских военнопленных, изучению вопросов их полноты и информационного потенциала¹⁴. Нельзя не упомянуть, что в 1997 г. они консультировали российских архивистов при описании учётных карточек военнопленных, хранящихся в ЦА МО (ныне размещённых в обобщённом банке данных «Мемориал»). В «раскрытии тайны» одного архивного документа, имеющего отношение к теме военного плена, помогли они и мне¹⁵.

Одним из главных достоинств рассматриваемой книги является то, что Отто и Келлер перешли от микроисторических исследований (на уровне отдельных сюжетов, тем и биографий) к макроисторическому анализу. Такой подход позволил им проверить результаты работы предшественни-

ков, полученные в ходе изучения других видов и групп источников, а также обозначил «белые пятна», наметив перспективы дальнейшей работы над темой.

Долгое время в немецкой историографии дискутировался вопрос о степени причастности вермахта к преступлениям нацизма, отголоски которой можно услышать и сейчас¹⁶. Анализируя приказы вермахта и РСХА — (Управление безопасности рейха — *Reichssicherheitshauptamt*), Штрайт на многочисленных примерах доказывал тесное сотрудничество армии и айнзацгрупп¹⁷. Отто и Келлер продемонстрировали взаимодействие военных и РСХА при создании системы лагерей для размещения советских военнопленных и её функционировании.

Как пишут исследователи, в начале октября 1941 г. верховное командование сухопутных сил вермахта (ОКВ) запланировало перевести 500 тыс. красноармейцев из лагерей военнопленных на Востоке на территорию Польши и Германии. Ещё летом по указанию рейхсфюрера СС Г. Гиммлера разработали планы ускоренного строительства огромных лагерей военнопленных СС (*Kriegsgefangenenlager der SS*) на территории генерал-губернаторства и сравнительно небольших рабочих лагерей СС для военнопленных в структурах почти всех концлагерей Третьего рейха. Их строительство осуществлялось силами самих военнопленных. В книге приведены сводные данные о перемещении советских военнопленных из шталагов в лагерь военнопленных в октябре 1941 г. (S. 58). Так, для строительства рабочего лагеря военнопленных СС Аушвиц—Биркенау из шталага 308 (Нойхаммер) были направлены 4 тыс. человек, а в строящийся лагерь военнопленных СС Люблин—Майданек — 1,5—2 тыс. бывших красноармейцев

из шталагов 307 (Белая Подляска) и 319 (Холм).

Анализируя учётные документы военнопленных и переписку немецких учреждений К. Райнхард и Р. Келлер описали невыносимые условия, в которых находились военнопленные, и привели статистику смертности, в том числе полученную в результате новейших исследований (S. 48—51). Так, в Маутхаузене, согласно плану 1942 г., предусматривалась организация лагеря для военнопленных на 5 тыс. человек (10 бараков). В октябре 1941 г. по сведениям немецких источников в этот концлагерь и его филиал Гузен направили по 2 тыс. советских военнопленных. К тому времени, как работы завершились, их уже не было в живых (S. 53). Из 2 500 военнопленных, прибывших 16 октября 1941 г. в Заксенхаузен, к 1 апреля 1942 г. умерли 1 944 (S. 68). Обращая пристальное внимание на документы шталага 318 (Ламсдорф), Отто и Келлер отмечают, что предварительная проверка работоспособности и физического состояния военнопленных не проводилась. Они отправлялись в лагеря практически сразу после поступления и регистрации (S. 59).

Освещая сюжет «активной и пассивной политики уничтожения» советских военнопленных с октября 1941 до весны 1942 г., авторы обобщили результаты исследований по отдельным концлагерям (S. 69—79). Они отмечают, что военнопленные, поступая в лагеря СС, не теряли свой статус, по сути, оставаясь в ведении вермахта, однако учитывались по особым правилам: сохраняя за собой учётный номер, полученный в шталаге (Erkennungsmarkennummer), они получали дополнительный, который также указывался на их учётной карточке. В ней же фиксировались последующие перемещения, в том числе данные о смерти. Причём в каждом лагере существовали свои особенности

учёта, что демонстрируется на примерах (S. 59—65). И хотя формально эти лагеря не имели отношения к рабочим командам шталагов, из документов следует, что концлагерь Ноенгама считался рабочим подразделением (Arbeitskommando) № 179 шталага 310 (Винцендорф), а Аушвиц — рабочей командой № 46 шталага 308 (Нойхаммер). Внешне демонстрируя автономность, лагеря военнопленных СС должны были сообщать о своём контингенте Немецкой службе оповещения родственников погибших солдат вермахта (WASSt), которая отвечала за учёт советских военнопленных (S. 66).

Авторы отмечают, что согласованность действий вермахта и РСХА прослеживается даже на уровне повседневной бумажной бюрократии. Им удалось восстановить картину систематического движения военнопленных из шталагов в лагеря СС, а также пути их перемещений по лагерям СС на территории Третьего рейха с марта 1942 по январь 1945 г. Правда, в виде таблицы в книге представлены лишь сводные данные о количестве военнопленных в концлагерях с марта 1942 по март 1944 г. На основе анализа источников авторы пришли к выводу, что значительное увеличение числа перемещений военнопленных наблюдается с мая 1943 г. В этот период основными лагерями для них выступали Бухенвальд, Заксенхаузен и Маутхаузен. Последнее перемещение военнопленных датируется 24 января 1945 г., когда в концлагерь Миттельбау—Дора поступило 250 военнопленных рабочей команды шталага 3010 (VIII С) Заган (S. 81—83).

По мнению Штрайта, обращение с советскими военнопленными соответствовало провозглашавшейся нацистами расовой теории¹⁸. Возражая тем, кто считал, что «приказ о комиссарах» от 6 июля 1941 г. так и остался на бумаге, историк с помощью детального анализа документов

частей вермахта проследил его исполнение и отметил, что приказ отменили лишь весной 1942 г.¹⁹ Келлер и Отто разделяют эту точку зрения и следуют дальше в изучении проблемы. Они обращают внимание на то, что в литературе часто не видят разницы между «приказом о комиссарах», с одной стороны, и приказами РСХА, касающимися «отбора вредоносных» (Aussonderungen), с другой, говоря о «единстве по содержанию» всех этих документов. С помощью таблицы они демонстрируют различия этих документов. Если «приказ о комиссарах» касался уничтожения пленных комиссаров и политруков солдатами вермахта во фронтлагах, пересыльных лагерях и шталагах, то приказы и директива РСХА давали сотрудникам гестапо полномочия уничтожать «врагов» в шталагах, лагерях военнопленных для русских («Russenlager»)²⁰, лагерях СС для военнопленных и концлагерях (S. 115).

Ссылаясь на приказ вермахта от 4 октября 1941 г. о переводе военнопленных лагеря СС для работы на предприятиях этого ведомства (S. 75), исследователи подчёркивают, что военнопленных, направленных в лагерь в рамках акции «отбора» и посланных туда на работы, нельзя «объединять», поскольку, с точки зрения функционирования системы, речь шла о разных категориях пленных.

Реализации приказов РСХА посвящён отдельный раздел книги (S. 117—145). В число подлежащих отбору и физическому уничтожению входили «убеждённые коммунисты», евреи, представители интеллигенции, политические функционеры и офицеры, неизлечимо больные, инвалиды, провокаторы, мятежники, воры. Обращаясь к некоторым воспоминаниям военнопленных, одновременно подвергая их «перекрёстной проверке» путём изучения данных лагерного учёта, авторы демонстрируют же-

стокость и масштабность «отбора». Тщательно и кропотливо они воссоздали схему, хронологию и статистику акции в шталагах и концлагерях. По данным исследователей, в период с августа 1941 до 31 июля 1942 г. было уничтожено свыше 33 тыс. советских военнопленных²¹. Причём в их учётных карточках истинные обстоятельства смерти, как правило, не указывались. Завершение «отбора» вовсе не означало прекращения планомерного и жестокого уничтожения военнопленных, которое лишь меняло формы. «Отобранные к уничтожению» военнопленные могли быть направлены на особо тяжёлые работы в Маутхаузен или Дахау. В этом случае они «теряли» свой статус и получали новый — заключённого. Исследование документов Маутхаузена позволило установить наличие 357 таких случаев за январь—июнь 1942 г. (S. 169).

Впервые исследован вопрос исполнения «приказа РСХА о побегах» (K-Befehl) от 4 марта 1944 г., подлинник которого так и не найден. Изучая историю происхождения этого документа, авторы пришли к выводу, что причины его появления связаны с отчаянными попытками вермахта и РСХА предотвратить массовые побеги офицеров, ставшие с сентября 1943 г. регулярными (S. 181—183). Приведено число советских военнопленных, расстрелянных во исполнение этого приказа до 23 мая 1944 г. — около 350 человек (S. 198). Позднее совершившие побег и пойманные военнопленные (K-Hdftlinge) помещались в специальный блок Маутхаузена, где были обречены на смерть. Документы учёта указывают на наличие этой категории узников и в других лагерях. Точное число советских военнопленных, которые получили такой статус, установить не удаётся — отчасти из-за «хаоса» в лагерном учёте (в том числе намеренного). По приблизительным

данным источников общее число военнопленных этой категории превышало 7 тыс. (S. 200). В учётных карточках военнопленных, поступавших в WAsT, появлялись записи: «бежал, не пойман», «удачный побег».

Реконструкция хода акции «отбора» позволяет решать конкретные исследовательские задачи, связанные с установлением трагических судеб многих солдат и офицеров, погибших в плену. Авторы книги демонстрируют, как, сопоставляя и анализируя информацию различных учётных документов, можно в деталях и подробностях (в отдельных случаях по дням) воссоздать историю жизни военнопленного с момента его пленения до гибели (S. 172).

Пожалуй, впервые авторы подробно осветили вопрос обращения в лагерях для советских военнопленных с больными и инвалидами. Последнее, как говорилось выше, относилось к числу подлежащих «отбору». По данным Отто и Келлера, полученным в результате расчёта процентного соотношения к общему числу советских военнопленных, ликвидированных в ходе «отбора», только с августа 1941 до конца июля 1942 г. в концлагерях на территории Рейха уничтожили более 3 тыс. больных и инвалидов (S. 95). Авторы книги ссылаются на многочисленные документальные свидетельства полного взаимопонимания руководства вермахта и РСХА в вопросах отношения к этой категории военнопленных. «Отобранных» в ходе акции инвалидов и больных уничтожали, как правило, в лагерях СС за пределами Рейха. Формы и методы уничтожения были самыми разнообразными — расстрелы, газовые камеры, смертельные уколы.

Тем не менее нередко инвалиды и больные военнопленные просто выпускались из шталагов. В результате в поисках пропитания они оказывались

предоставлены сами себе, зачастую присоединяясь к партизанским отрядам. Как пишут авторы, это послужило поводом для переписки между начальником штаба ОКВ В. Кейтелем и Гиммлером в сентябре 1942 г. Результатом общения на высшем уровне стала фактическая передача военнопленных-инвалидов в ведение СС, территориальные органы которой должны были отныне определять дальнейшую судьбу «неспособных к труду» (S. 97—98).

Для размещения инвалидов и больных определялся лагерь военнопленных в составе концлагеря Майданек. Исследователи приводят установленные по различным источникам данные о перемещениях в этот лагерь из шталагов с мая 1943 по март 1944 г., о количестве инвалидов в лазарете лагеря с октября 1943 по май 1944 г. (S. 100). Накануне освобождения территории частями Красной армии значительную часть контингента этого лагеря перевели в Маутхаузен.

Попадая в Майданек, больные и инвалиды не теряли свой статус, продолжая находиться в ведении вермахта. Как подчёркивают исследователи, источники не дают прямого ответа на вопросы: почему вермахт хотел «освободиться» от инвалидов и больных? Какой интерес был к этой категории у Гиммлера? Как и почему военнопленные этого лагеря избежали участи инвалидов и больных, уничтоженных в результате «отбора»? Возможно, ответы «скрываются» в той части комплекса документов, который после освобождения лагеря оказался в руках советских войск и в настоящее время хранится в ЦАМО и РГВА, ожидая своего исследователя.

Авторы книги не обходят стороной и тему женщин в плену. «Женщины, выступающие в роли мужчин — такая картина не соответствовала как немецким взглядам на военную служ-

бу, так и собственно нацистской идеологии» (S. 251). Не оспаривая тяжких преступлений вермахта и СС в отношении женщин, которые на основании источников, сохранившихся в архиве Яд Вашем (Израиль), публицистически описал Шнеер, исследователи обратили внимание на то, что в немецкой историографии в этой связи часто цитируется приказ командующего 4-й армией генерал-фельдмаршала фон Клюге от 29 июня 1941 г. о том, что женщины в военной форме подлежат расстрелу, однако ничего не говорится о том, что уже 1 июля 1941 г. это распоряжение было определено как ошибочное и отменено. Далее выборочно цитируется приказ ОКВ от 6 марта 1944 г. о передаче женщин — советских военнопленных в ведение СС и СД (S. 253—254). В результате складывается ошибочное представление, что до этого времени с женщинами поступали так же, как и в первые дни войны.

Отто и Келлер изучили проблему, опираясь в основном на приказы и распоряжения вермахта и РСХА по данному вопросу, а также на учётные документы лагерей военнопленных и концлагерей. Сохранившийся комплекс материалов позволил им установить, что первая группа женщин-военнопленных — парашютисток — прибыла шталаг Люфт 2 Литцманштадт 12 сентября 1941 г. Краткие записи учёта не позволяют заметить принципиальных различий в обращении с женщинами, особенно если речь шла о «политических врагах» или евреях. Однако они позволяют проследить, что женщины-врачи, медсёстры, как правило, сохраняли статус военнопленных и направлялись в лазареты лагерей для таковых.

Как свидетельствуют немецкие источники, использование женщин-военнопленных в качестве медицинского персонала рассматривалось

скорее как вынужденная мера. Женщины как потенциальный источник активного и пассивного сопротивления вызывали недоверие у начальников шталагов. Отто и Келлер демонстрируют, что такие опасения были небезосновательны, поэтому стремление вермахта избавиться от женщин-военнопленных вполне совпадало с желаниями немецких учреждений, в свою очередь, получить больше рабочей силы. В результате, оказываясь в плену, советские женщины чаще получали новый статус — гражданских рабочих. Однако потеря статуса военнопленного у женщин также могла быть связана и с передачей в ведение гестапо. Исследователи предприняли попытку установить по сохранившимся источникам факты массовых перемещений женщин-военнопленных в концлагеря и последующие события, связанные их судьбой. Они называют и общее число перемещённых — около 2 тыс. человек (S. 265—270).

Интересный подход авторы демонстрируют реконструируя события, связанные с фактами сопротивления в лагерях. В качестве основного источника вновь выступают учётные документы WaST и концлагерей. Упомянуто об организациях, деятельность которых уже исследовалась в литературе, в том числе Боевого содружества военнопленных (БСВ), подпольной организации в концлагере Бухенвальд, в лазарете шталага 304 (IV Н) Цайтхайм. Однако в центре их исследования малоизвестный сюжет — деятельность подпольной организации в лазарете Эбельсбах. С помощью документов учёта они определили состав группы, включавшей 500 человек, установив при этом тесную связь подпольной группы лазарета и БСВ.

С целью более глубокого понимания системы авторы отдельно затронули вопросы отношения нацистов к военнопленным других националь-

ностей, прежде всего к испанским (в том числе женщинам), найдя много общего, но одновременно отметив, что отношение к польским военнопленным-женщинам было вполне лояльным. Нацисты активно использовали в своей политике проблемы межнациональных отношений. По их мнению, эта тема требует тщательно-го изучения.

Следует отметить, что авторы редко привлекали послевоенные воспоминания, избегая кровавых и жестоких описаний. Однако это несколько не снижает общего настроения книги. «Блок-схемы» исполнения акции «отбора» или операции «пуля», статистические таблицы, рисунки, фотографии, которые дополняют текст, наглядно демонстрируют заранее продуманную беспощадность изучаемой системы, производя ничуть не меньшее эмоциональное воздействие.

Отто и Келлер сформулировали новые подходы в изучении темы. Исследование нацистской системы уничтожения через детальное изучение учётных документов и страниц биографий конкретных людей позволяет наблюдать за её трансформациями, замечать возникающие «сбои» в её, на первый взгляд, до автоматизма налаженной работе, которая традиционно характеризуется словом «Ordnung». Исследователи очень взвешенно и объективно подошли к освещению темы «подвига и предательства». Смотря на проблему под углом зрения совместной преступной деятельности вермахта и РСХА, они на конкретных примерах продемонстрировали, что в условиях, созданных системой, подвигом можно считать уже сам факт сопротивления — индивидуального или коллективного, а переход на сторону «противника» далеко не всегда был актом доброй воли военнопленного.

С точки зрения оценки результатов научного исследования, книга вполне убедительна, поскольку в её основе кропотливый анализ массовых источников. Возможно, тот, кто ждёт от неё сенсационных открытий или хлёстких выводов и заключений, будет разочарован. Скорее это труд — «раздумье» о том, что историки могут сделать для исследования темы, учитывая особенности состава и содержания источников, имеющихся в их распоряжении. Погружаясь вместе с авторами в мир статистики, «порядка и хаоса» лагерного учёта, осознаешь, что именно здесь кроются истоки дискуссий о масштабах потерь, и колебания цифр возникают не только из-за различий в методиках подсчёта, а обусловлены зачастую информационными возможностями самих источников.

Монография Р. Отто и Р. Келлера является также ценным руководством для тех читателей, преимущественно российских, кто, прослеживая судьбы конкретных людей, пытается разобраться в видовом многообразии немецких документов, связанных с учётом военнопленных в Третьем рейхе. Она снабжена небольшим словарём терминов и понятий, употребляемых в делопроизводстве лагерей военнопленных и концлагерей.

Однако в работе недостаёт отдельной главы, посвящённой анализу источников, их составу, полноте, информационному потенциалу. Возможно, её наличие позволило бы подойти к решению некоторых дискуссионных вопросов, связанных с общей статистикой советского военного плена, а также пояснить читателю, как авторы получили те или иные статистические данные и почему отсутствует статистика по другим показателям, т.е. приоткрыть дверь в «творческую лабораторию исследователей».

Примечания

¹ Семиряга М.И. Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 19—33.

² Об этом см.: Земсков В.Н. К вопросу об общей численности советских военнопленных и масштабах их смертности (1941—1945 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5. С. 103—112.

³ Полян П.М. Жертвы двух диктатур: оstarбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе. М., 1996.; Polian P. Deportiert nach Hause. Sowjetische Kriegsgefangene im «Dritten Reich» und ihre Repatriierung (Kriegsfolgen-Forschung. Bd. 2.). Wien; München, 2001.

⁴ Шнеер А. Плен. Советские военнопленные в Германии 1941—1945 гг. М., 2005.

⁵ «Обречённые погибнуть»: судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне. Воспоминания, документы. М., 2006.

⁶ Ерин М.Е. Историография ФРГ о советских военнопленных в фашистской Германии // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 152—161.

⁷ Streit Ch. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen. Stuttgart, 1978. Книга издавалась трижды. Последнее дополненное издание вышло в свет в 1997 г.

⁸ Streim A. Sowjetische gefangene in Hitlers vernichtungskrieg. Berichte und dokumente 1941—1945. Heidelberg, 1982.

⁹ О количестве исследований по теме можно судить, проанализировав списки литературы в монографии Штрайта (Streit Ch. Keine Kameraden.... Bonn, 1997. С. 426—436), а также в рецензируемой книге (С. 332—346).

¹⁰ Ерин М.Е. Историография ФРГ о советских военнопленных... С. 152.

¹¹ Streit Ch. Keine Kameraden... Stuttgart, 1978. С. 18.

¹² См. об этом: Narben bleiben: die Arbeit der Suchdienste. 60 Jahre nach dem Zweiten Weltkrieg. Kassel 2005; Киселева Е.Л. Миллионы документов — миллионы судеб: размышления и впечатления о поездке в Международную службу розыска в Германии // Отечественные архивы. 2017. № 3. С. 132—138.

¹³ Hüser K., Otto R. Das Stammlager 326 (VI K) Senne 1941—1945. Sowjetische Kriegsgefangene als Opfer der Nationalsozialistischen Vernichtungskrieges. Bielefeld, 1992; Osterloh J. Ein ganz normales Lager. Das Kriegsgefangenen — Mannschaftsstammlager 304 (IV H) Zeithem bei Riesa (Sa.) 1941—1945. Leipzig, 1997; Mai U. Kriegsgefangen in Brandenburg. Stalag III A in Lückenwalde. Berlin, 1999; Hammermann G. Sowjetische Kriegsgefangene im KZ Dachau // Einver-

nehmliche Zusammenarbeit? Wehrmacht, Gestapo, SS und sowjetische Kriegsgefangene. Berlin, 2008. С. 91—118; Ibel J. Sowjetische Kriegsgefangene im KZ Flossenbürg. Rekonstruktion der Verbrechen mithilfe der Häftlingsdatenbank // Einvernehmliche Zusammenarbeit?.. С. 119—157; Keller R., Otto R. Sowjetische Kriegsgefangene in Konzentrationslagern SS. Ein Überblick // Einvernehmliche Zusammenarbeit?.. С. 15—43; Steegmann R. Das Konzentrationslager Natzweiler—Struthof und seine Außenkommandos an Rhein und Neckar 1941—1945. Straßburg, 2010; KZ-Gedenkstätte Neuengamme: Wehrmacht und Konzentrationslager. Beiträge zur Geschichte der nationalsozialistischen Verfolgung in Norddeutschland. Heft 13. Bremen, 2012.

¹⁴ Keller R., Otto R. Das Massensterben der sowjetischen Kriegsgefangenen und die Wehrmachtbürokratie. Unterlagen zur Registrierung der sowjetischen Kriegsgefangenen in deutschen und russischen Institutionen // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1998. № 57 (Heft 1). С. 149—180. Keller R., Otto R., Nagel J. Sowjetische Kriegsgefangene in deutschem Gewahrsam 1941—1945 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2008. Heft № 4. С. 557—597.

¹⁵ Киселева Е.Л. Судьбы военнопленных Второй мировой войны: круг источников расширен // Отечественные архивы. 2012. № 1. С. 29—34.

¹⁶ Ерин М.Е. Историография ФРГ о советских военнопленных... С. 153.

¹⁷ Streit Ch. Keine Kameraden... Bonn, 1997. С. 117—127.

¹⁸ Streit Ch. Sozialpolitische aspekte der behandlung der sowjetischen Kriegsgefangenen // Zweiter Weltkrieg und sozialer Wandler. Achsenmächte und besetzte Länder. Güttingen, 1981. С. 184.

¹⁹ Streit Ch. Keine Kameraden... Bonn, 1997. С. 83—87, 88.

²⁰ В специальном разделе книги «Основные термины» (Glossar) авторы поясняют, что термин «Руссенлагер» использовался в немецких документах для обозначения шталагов, где содержались только советские военнопленные. Они существовали, по сути, только до начала 1942 г. К их числу относился, например, шталаг 304 Цайтхайм в Саксонии и шталаг 326 Зене в Вестфалии (Otto R., Keller R. Sowjetische Kriegsgefangene... С. 328—329).

²¹ Авторы обращают внимание на неполноту данных по отдельным концлагерям: например, на отсутствие данных о результатах акции по концлагерю Ноенгамме, на невозможность установить обстоятельства смерти военнопленных в документах Маутхаузена (Otto R., Keller R. Sowjetische Kriegsgefangene... С. 133, 136, 139, 145).